

A romantic embrace of a man and a woman in a blue-toned setting. The man is shirtless and has a beard, looking down at the woman. The woman has long, wavy hair and is seen from the back. They are in a close embrace, with the man's hands on the woman's back. The background is a window with a view of a city at night, illuminated with a blue light.

Ана Сакру

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВСЕ ЭТОТ МИР
He Mea

Ана Сакру

Весь этот мир не ты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67413365

SelfPub; 2022

Аннотация

Год назад я была дочерью миллиардера, а сегодня обычная содержанка, работающая за гроши, чтобы прокормить восьмилетнего брата. Казалось, хуже уже быть не может, но потом появился он... Парень из обычной семьи, которого я глупо унизила пять лет назад. Нет сомнений, он ничего не забыл. И мало того, что теперь у него куча денег, а у меня ничего нет, так ещё он оказался единственным, кто может мне помочь...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Сколько ты стоишь?	4
2. Сомнения	13
3. Решение	19
4. Конверт	24
5. Сравнить	27
6. Вопрос	32
7. Неожиданность	35
8. Нет	40
9. Прости	46
10. Вечность	51
11. Признание	54
12. Свидание	59
13. Извозчик	65
14. Разговор	71
15. Переписка	77
16. В первый раз	87
17. Поездка	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ана Сакру

Весь этот мир не ты

1. Сколько ты стоишь?

– Так ты в пятницу улетаешь в Австрию? – идеально нарисованные брови Ксении Гавриловны взмывают вверх настолько, насколько это возможно с таким количеством ботокса во лбу, – Виктор, так интересно...

Она поджимает подправленные косметологом губы, силась сказать больше, но не может устроить допрос при его деловых партнерах. Как и высказать свое возмущение. И все же вспыхнувший гневный румянец и дрожащий бокал кампари в руке выдает ее с головой.

– Я бы тоже поехала, развеялась... – ее улыбка напоминает оскал клоуна из «Оно». Меня даже слегка передергивает.

– Это деловая поездка, Ксюш, – отрезает мой шеф, разваливаясь в кресле и строго смотря на жену. «Держи себя в руках, дура, и не лезь» – светится неоновая надпись у него на лбу.

– Я проторчу на заводе все три дня и сразу домой. Нечего тебе там делать.

– Я бы погуляла... – ее губы начинают подрагивать. По-

следний кампари явно был лишний. Виктор молчит, показывая, что обсуждать тут нечего. Она смотрит на него влажными стеклянными глазами, потом переводит блестящий взгляд на меня.

– А кто еще поедет? – и в упор. Словно хочет во мне дырку просверлить. Я с безмятежным видом отпиваю свой martini. Разбирайся со своим старым боровом сама. Думаешь, мне в радость?

– Ланской еще, – пожимает плечами Виктор Павлович, упоминая своего коммерческого, – Полина Елисеевна, Павлик, Лина... Да вроде все. Больше и не нужен никто.

На Лине взгляд Ксении Гавриловны из лазерной указки трансформируется в световой меч джедая, и лоб все-таки начинает жечь. Я не выдерживаю и отворачиваюсь, потянувшись за канапе.

– Ну конечно, – хрипит жена, поджимая губы, – Больше тебе никто не нужен...

– А кто еще? – рычит Виктор, начиная раздражаться и поглядывая на сидящих рядом партнеров, – Коммерческий, экономист, пиарщик и переводчица- секретарь. Все по делу. Погуляешь потом, Ксюш. На кону ярд почти. Некогда будет по бутикам шастать.

И Виктор Павлович отворачивается от нее, вступая в разговор с Ленским и Козловым, чтобы поняла, что больше обсуждений не будет. Я кладу на место канапе, так и не откусив. Аппетит полностью сходит на нет под ее присталь-

ным взглядом. И делаю длинный медленный глоток мартины. Ксения Гавриловна внимательно следит за тем, как держится мое горло, глотая. Наверно, мечтает, чтобы я подавилась. Я и сама была бы не против, если бы не брат. Эх... Как жаль, Ксения Гавриловна, что нет у вас такой власти над мужем, чтобы этот старый козел ко мне не лез. Очень-очень жаль...

– Извините, Виктор Павлович, я отлучусь, – обрываю зрительный контакт с его женой и поднимаюсь с дивана, оправляя юбку. Замечаю, как взгляд Ленского мельком пробежится по ногам. Еще один. При отце только в лицо смотрели.

– Да, Линочка, конечно, – голос шефа, обращенный ко мне, моментально становится приторно-сладким. Отчего передергивает и меня, и его жену.

Я картонно улыбаюсь в ответ и на деревянных ногах выхожу на палубу, после сворачиваю за капитанский мостик в курилку. Надеюсь там никого. Все эти лица, взгляды, разговоры. Стошнит сейчас. Хочется просто посмотреть на Неву: на разводные мосты, на волшеббно подсвеченные набережные, на темные быстрые воды. Хочется тишины.

Мне везет. Шум банкета здесь приглушен, народу немного, и я даже нахожу неосвященный тихий закуток под какой-то лесенкой. Запах речной воды и ветер, ударивший в лицо, слегка отрезвляют. Я прикрываю глаза, вбирая ночную прохладу. Зябко, но то, что нужно. Стою так с полминуты, потом тяжело выдыхаю и лезу в клатч за пачкой сигарет. Ес-

ли бы папа узнал, что я курю, он бы меня убил, наверно. Вот только его нет уже как год и ругать меня некому. Чиркаю зажигалкой и делаю глубокую затяжку. Какая все-таки дрянь. И я, и сигарета. Я опираюсь о свежевыкрашенную стену капитанской будки и устремляю рассеянный взгляд на Петропавловку, мимо которой мы сейчас плывем.

– Вот ты где...

– Твою мать! – от неожиданности сигарета выпадает у меня из рук, и огонек приземляется на чулок, прожигая дырку.

– Испугалась? – мурлычет подвыпивший шеф и тянет ко мне свои пальцы, похожие на сардельки. Я уверена, что мое лицо сейчас полыхает раздражением. Но когда это его останавливало.

– Виктор Палыч, – говорю я осуждающим тоном, поджигая губы, и впечатываюсь в стену с такой силой, что позвоночник начинает саднить, – Люди...

– Нет тут никого, Линочка, – его масляные от коньяка глаза блестят так же, как влажный от слюны рот, – Такая ты куколка в этом платье... Куколка...

Он все-таки обхватывает меня за талию и тянется влажным поцелуем к шее. К губам уже давно не тянется. Я в губы не целуюсь. Как Джулия, мать ее, Робертс из «Красотки».

– Виктор Палыч, – повторяю на повышенных тонах. Упираюсь в его рыхлые плечи, пытаюсь оттолкнуть. Но куда моим пятидесяти против его хмельных ста двадцати, – Не сейчас! Вы слышите? Виктор...

–Твоя девка дело говорит. Отпусти ее, козел старый, – звенит слева, и мы оба оборачиваемся, моментально застыв.

–Ксения, ты что тут? – шеф медленно отстраняется от меня и поправляет съехавший на бок галстук, потом подтягивает сползшие с живота брюки. Волком смотрит на жену из-под нахмуренных кустистых бровей.

– Сказал, вернусь сейчас.

Я готова сквозь землю провалиться, а ему даже не стыдно. Недоволен только, что помешали. Я прикрываю глаза, мечтаю освоить телепорт или хотя бы слиться со стеной.

– А то, Витенька, что в следующей раз фотки сделаю и без штанов тебя оставлю, понял? – Ксения Гавриловна переходит на визг, – Хотя они и так похоже на тебе не сильно-то держатся.

– Ты мне это, Ксения, брось, – ворчит шеф, забывая обо мне и беря жену под локоток, – Не было ничего. У Алины платье зацепилось, помочь попросила. А насчет без штанов, так я и сам на тебя свору своих юристов напустить могу. Поедешь в бабкину хату в Гатчине, поняла? Так что хватит мне тут... Пошли лучше... Потанцуем что ли...

И они удаляются, как ни в чем не бывало. Я слышу лишь обрывки фраз.

–Уволь ты ее... Ну, Вить...

–Дурная что ли? Она ж дочка Андреева, как я могу? На улицу ее теперь? Я только в память о друге... Да и перевод-

чица она хорошая, не задарма же держу! Толковая девка...

Меня передергивает, и я снова прикрываю глаза, подставляя пылающее лицо ночному ветерку. Благородный Виктор Палыч. Помочь он решил, молодец. И я ведь верила. Первые два месяца. «Спасибо» ему чуть ли не каждый день говорила, в рот смотрела. Думала, мне повезло наконец после стольких бед. Смерть отца, банкротство, долги... Верила. Пока он меня в первый раз в офисе не зажал.

Я потянулась за еще одной сигаретой. Помню, что он мне шептал тогда. Что долги мои закроет, что даст на Мишку, на школу его частную, на хоккей. Что для брата ничего не изменится. Чтобы дом снимала с продажи и машину оставила, только дай...

Чиркнула зажигалкой и сложила ладони лодочкой.

Шеф не обманул. Ну как не обманул. Платит как премию, чтобы и на школу с хоккеем хватало, и с крючка не сорвалась. Я один раз опять дом на продажу выставила, хотела долги покрыть и избавиться от Виктора, так он сразу скандал устроил, что я неблагодарная тварь. И что с работы меня погонит с волчьим билетом, раз я так. Следит, сволочь.

А я слабая, наверно. И тошно от себя, и не могу решиться изменить хоть что-то. Где я еще столько заработаю простой переводчицей или секретарем? Я ведь больше и не умею ничего. Ничего не знаю, кроме языков. Думала, буду работать в каком-нибудь фонде, который неизвестно чем занимается, или вообще не буду. Выйду за богатого из своего круга, так

и жизнь пройдет. Да вообще ни о чем не думала!

А как только отец обанкротился, из завидных невест я вдруг сразу переключалась в перспективные содержанки. Красивая, с манерами и даже родословной. Мечта. Меня звали на свидания те же мужчины, что и раньше. Только теперь все они после ресторана не целовали руку и просили о новой встрече, а приглашали поехать домой, или в отель, или на Мальдивы. О кольце никто не заикался. Зачем?

Я сделала долгую затяжку и медленно выпустила дым. Так какая разница: Виктор или кто другой? У него я хоть работаю. Да и, по правде, он меня не часто и беспокоит. Возраст не тот. Два раза в месяц по три минуты. Это можно пережить. Можно зажмуриться. Ну иногда по попе шлепнет, или по груди проведет. А так...за шесть минут позора в месяц я получаю премию к зарплате в тридцать- сорок тысяч баксов...примерно. Да я самая дорогая блудница на этой планете.

Горько улыбаюсь собственным мыслям и выкидываю сигарету за борт, зачарованно смотря за ее полетом. Мне кажется иногда, что я тоже вот так куда-то лечу. В пропасть.

– Еще и мусоришь, – раздаётся насмешливое из тени, я и вздрагиваю всем телом, оборачиваясь на низкий мужской голос.

Странно, внутри вспыхивает искра узнавания этого грудного тембра, но тут же гаснет, не находя, за что зацепиться. Темный силуэт вальяжно отделяется от стены и медлен-

но приближается ко мне и полоске света, разделяющей нас. Я напряженно молчу в ожидании, когда луч от уличной лампы упадет незнакомцу на лицо. Вглядываюсь в очертания фигуры. Сердце почему-то болезненно сжимается, наполняясь тревожным предчувствием. Высокий, очень. Подтянутый, костюм идеально сидит, видно даже в темноте. И двигается расслаблено, словно он хозяин здесь. Я знаю эту походку. Неуловимый признак успешного человека, понимающего, что он выше многих, что он чего-то добился. Такое не подделать, это внутри. И можно носить черные водолазки, как Стив Джобс, или смешные гавайские шорты. Люди все равно поймут, почувют.

Мужчина делает еще один шаг, и я наконец вижу его лицо. Внутренности скручивает в болезненном спазме. Я сглазываю и моргаю пару раз, мечтая, чтобы мне показалось. Но нет. Аверин.

Сколько он там стоял? Видел все? Его взгляд, изучающий, насмешливый, скользит по мне, нагло ощупывая каждый миллиметр тела.

Видел.

И сделал выводы. Стыд затапливает с головой, мешая вздохнуть. Я машинально обхватываю себя руками в попытке хоть как-то защититься от настоящего. И от картинок из прошлого, вихрем проносащихся в голове.

Черные глаза Никиты, закончив досмотр, впиваются в мое искаженное волнением лицо.

– Привет, Польская. Давно не виделись, – кривая улыбка растягивает его красиво очерченный рот, и я невольно вспоминаю поговорку «хорошо смеется тот, кто смеется последний».

– И сколько ты стоишь?

–Что? – от подобной наглости у меня просто распахивается рот.

–Ты слышала, – Ник подходит вплотную, и его ладонь упирается в стену у меня над головой. Мятное дыхание, смешанное с нотками крепкого алкоголя, опалает жаром лицо.

– Я хочу тебя купить. Сколько?

2. Сомнения

–Отвали,– я пихаю его в грудь, пытаюсь оттолкнуть и прошмыгнуть под поднятой рукой.

Но Никита резко опускает ее, так что я чуть не впечатываюсь в рукав носом.

–Не так быстро,– его голос моментально звенит стальными нотками, царапая слух,– Это же простой вопрос... Куколка...

И Ник ухмыляется на последнем слове, давая мне понять, что сцену с шефом он рассмотрел и расслышал во всех подробностях. Я замираю, уставившись на его руку перед моим лицом, играющую сейчас роль шлагбаума, и выбираю просто ждать. Ну не вечно же он будет так стоять. Поиграется и отпустит. Все-таки Аверин, хоть и может быть гадом, к физическому насилию, насколько я помнила, склонен не был. Раньше...

Кошусь на него, но не поворачиваюсь, так и стою в профиль. Лишь подбородок чуть вздергиваю, чтобы носом рукав пиджака не задевать.

Он тоже застыл. Просто стоит и все. И дышит мне в висок, наклонившись. Отчего кожа становится горячей и влажной. Я никогда не верила в ауру, но сейчас я ее как будто ощущаю. Более плотный воздух вокруг него и меня. Окутывающий с ног до головы. Так что все тело вибрирует от напряжения.

Становится жарко. Зудящее волнение разливается по кровотоку, отчего пальцы нервно подрагивают. Ноздри забивает мужским древесным парфюмом вперемешку с нотками алкоголя, и у меня начинает кружиться голова.

–Пропусти,– хриплю едва слышно, не выдержав наконец этого молчаливого близкого контакта.

–Ответь,– почти так же глухо шипит Аверин, наклоняясь ко мне еще ближе, так что его нос задевает мои волосы.

Я застываю окончательно. Просто смотрю невидящими глазами перед собой. Я словно в прошлом. Сколько раз мы так стояли. Меня парализует от этой ядовитой близости. Всегда парализовывало. Но раньше я находила в себе силы отталкивать его. А сейчас – нет. Наоборот посещает абсурдное желание прижаться и расплакаться. Я сломана, я слабая. Он чувствует?

–Лина? Как так? – явственный упрек в голосе Ника режет по- живому.

–Ты ничего не знаешь,– я наконец оттаиваю и заставляю себя повернуться к нему, чтобы прямо посмотреть в черные, чуть подернутые алкогольной дымкой глаза,– Не смей меня осуждать.

–Я знаю про твоего отца и фирму. Соболезную,– Никита немного отстраняется и разглядывает меня с высоты своего роста,– Но причем тут этот старый козел? Так нужны деньги? Они и у меня есть... Сколько?

Я иронично вскидываю бровь, чувствуя, как сразу стало

легче дышать, стоило ему хоть немного увеличить расстояние между нами.

–Много, Аверин. И что же, просто так дашь? Как голодающему Поволжью?

–А твой пенсионер- боров тебе просто так дает? Или ты ему тоже даешь? Или ты не за деньги, а по доброте душевной? – щурится Ник в ответ. И я вспоминаю, за что его ненавижу.

–Я у него работаю...

–Секретуткой? Так и быть, выделю тебе стол.

–Переводчиком, – соплю обиженно в ответ, – Если не помнишь, я в совершенстве владею пятью языками.

–Видимо, и шестым тоже пользоваться научилась, – и пронзительный взгляд черных глаз недвусмысленно перемещается на мои губы.

–Да пошел ты! – опять пихаю Ника в грудь, а затем пытаюсь отодрать от стены его увесистую руку, чтобы вырваться. Ухх, как он меня достал. И пяти минут не прошло, – Придурок!

–Ну, всё, всё... – этот неандерталец вместо того, чтобы отстать на меня, начинает вдруг смеяться. Перехватывает за талию и пригвождает обратно к стене, – Всё, давай серьёзно.

Ник перестает улыбаться, но в глазах еще пляшут искры внезапного веселья. "Он такой же красивый" – машинально отмечает мозг, пока я замороженно разглядываю его. Пять лет прошло... Много...

– Уходи от него, Лин. Я лучше, – просто говорит Аверин. Уже совсем серьёзно, он не шутит.

Я медленно облизываю пересохшие губы и вижу, как он следит за этим жестом. Сердце лихорадочно стучит, отдаваясь в висках.

– Уходить куда? В содержанки твои? Секретутки, как ты выразился? Это ты мне предлагаешь?

– Сейчас же тебя ничего смущает. И нам будет хорошо... Я уверен... – его рука ползет по моей талии, сжимая тело через ткань платья, оглаживает бедро, сминает ягодицу.

Да, возможно... Вот только одно дело – шесть минут в месяц, зажмурившись. И другое – когда мужчина волнуется. Когда не остаться равнодушной рядом. Чем это кончится для меня? Он ведь не встречаться предлагает. Так... использовать хочет, как и все остальные.

– Нет, Никит, плохо мне будет, – горечь отказа собирается на языке, – Не с тобой...

Ник смотрит на меня недоуменно, хмурится, не понимая причину. Рука на моем бедре произвольно больно впивается в мягкую плоть.

– Лин, не глупи, – говорит он хрипло.

Наклоняется ко мне и утыкается носом в местечко за ушком. Я закусываю губу, чувствуя, как он жадно втягивает воздух.

– Что ты хочешь, Аверин? – голос опять не слушается меня. Дребезжит, как старая пластинка, – Отыграться? Удоб-

ный момент подвернулся?

– Тебя хочу, Польская, – он улыбается мне прямо в шею, – И отыграться бы тоже не мешало. Будешь умолять тебя простить... Долгооо...

Да он просто пьян.

– Нет, – я с силой отталкиваю от себя потерявшего бдительность Ника и вырываюсь на свободу.

Судорожно одергиваю задравшееся платье, пока Аверин медленно поворачивается ко мне, зло щурясь.

– Значит все-таки старикашку Ракова выбираешь? Интересно... – цедит он сквозь зубы, раздосадованный отказом, – У меня так и комплексы могут развиваться.

– Я верю в твою неубиваемую самооценку, – нервно фыркаю я, – А насчет Ракова... Он мой шеф, просто перебрал сегодня. А ты себе бред надумал, ясно?

– Что-то не верится, – с сарказмом тянет Ник.

– А ты поверь, – бросаю раздраженно я, – Приятно было увидеться. Хотя вру, не приятно.

И на этой громкой ноте я разворачиваюсь на каблуках и гордо цокаю к нижней палубе. Лопатки жжет от устремленного на них взгляда. Ноги подкашиваются. В какой-то момент мне кажется, что Никита меня сейчас остановит и рывком потянет на себя. Я даже готовлюсь к этому, раздумывая, как не подвернуть ноги на тонких шпильках. Но ничего не происходит. Холодок разочарования пробегает по телу. Оказывается, я, вопреки всему, ждала.

Я не захожу в ресторан, а сразу направляюсь в уборную. Там аккуратно умываюсь ледяной водой и, тяжело опершись на раковину, смотрю в свои сверкающие полубезумные глаза. Меня ощутимо потряхивает после этой встречи. Еще одно болезненное напоминание о том, кем я была, и кем стала. И внутри гложет душу червь сомнения. Может, стоило согласиться?

3. Решение

Пять лет назад...

– Ну как я? – провожу последний раз влагостойкой помадой по губам и поворачиваюсь к Машке, чтобы она вынесла свой вердикт.

– Блин, Лиинка... Если бы я была хоть чуть-чуть страшнее, я бы сейчас от зависти подсыпала тебе слабительного! – театрально закатывает глаза подружка и подходит к зеркалу, чтобы проверить свой макияж.

Я удовлетворенно улыбаюсь своему отражению и посылаю себе воздушный поцелуй. Внутри искрится предвкушение веселого вечера. Сегодня день рождения Стаса Малинского, которое он отмечает в своем огромном дворце в Барвихе, и мы с Машкой почетные гости этой грандиозной вечеринки. Я знаю, что там будет как минимум половина МГИМО и вся золотая тусовка соседей. Но уверена в том, что займу почетное место рядом с именинником. Стас уже раз пять написал, спрашивая, где мы, и два раза позвонил, ворчливо сообщая в трубку, что большинство гостей уже давно резвятся в бассейне под треки приглашенного ди-джея.

Я придирчиво оглядываю свое белое просвечивающее пляжное платье поверх белого же бикини. Подождет. Ждал же два месяца. Значит потерпит и еще пару часов. У меня

нет для него никаких подарков, кроме одного. Я все-таки решила ответить согласием на его настойчивые ухаживания. Не знаю, что именно сыграло роль. То ли то, что Стас был безукоризненно внимателен ко мне. То ли то, что наши отцы полгода назад стали партнерами по бизнесу, и папа мне уже все уши прожужжал, как бы было замечательно, если бы я обратила внимание на младшего Малинского. То ли все же дело в моих подружках, которые называли меня снежной королевой из-за того, что в свои девятнадцать я до сих не была с мужчиной. Машка так вообще являлась чемпионом по шуткам на эту тему. Её интимной жизни позавидовала бы и Эммануэль.

Её постоянные рассказы раздражали и одновременно возбуждали меня, заставляя посмотреть на свою девственность как некое недоразумение, от которого пора избавиться. Так что почему бы и не Стас? Он был моего круга, красив, богат, умен и влюблен в меня. Да и мне самой в принципе нравился. Бабочек в животе я, конечно, не ловила, но может быть я вообще на это не способна? Или, как Машка говорит, аппетит придет во время еды? В любом случае, это произойдет не сегодня, не сразу. Сейчас просто дам ему зеленый свет на официальные отношения, а там уж посмотрим...

– Пошли? – я оправляю платье нервным движением, кидаю прощальный взгляд на свое отражение в зеркале и подхватываю спортивную сумку, в которой есть все необходимое для предстоящей ночевки в чужом доме.

Машка торопится за мной. Мы загружаемся с ней в мой БМВ, и я под непрекращающуюся болтовню подружки вырываю из двора. Ехать нам буквально минут десять, так как живем с Малинским мы в одном поселке. С каждой секундой напряжение во мне из-за принятого решения растет, и я чувствую, как ладони на руле предательски потеют. Я вроде бы миллион раз все обдумала, и все же окончательной уверенности у меня нет. Как приеду, первым делом залпом осушу пару бокалов, что бы эти бесконечные сомнения оставили меня наконец в покое. Да, нужно просто выпить и расслабиться.

–Эй, ты меня слышишь? – Машка шутливо треплет меня по плечу.

–Что? Прости, задумалась, – я и правда ни слова не слышала из того, что она говорила.

– Говорю, как думаешь, все одноклассники Стаса будут? – и Машка опускает козырек и придирчиво разглядывает себя в зеркало.

– Наверно, – пожимаю я плечами, а потом хитро улыбаюсь ей, – И на кого нынче объявлена охота? Я уж думала, ты там со всеми перезнакомилась?

Подружка залиvisto смеется и толкает меня бок.

– Нет, осталось еще два нетронутых экземпляра. Первый-твой Стасик, но тут я пас. Парни подруг хуже священных коров. А вот второй...

И ее глаза начинают плотоядно сверкать, а пухлые губы

растягиваются в многообещающей улыбке.

–Ооо, нет, – фыркаю я, – Только не говори, что ты опять про этого придурка.

–Придурком его считаешь только ты, Лин, – даже как-то обиженно тянет Машка.

– Аверин –классный. И меня бесит, что все более-менее красивые девчонки в универе убедились в этом лично...Все, кроме меня! Какого хрена он от меня бегаёт? Я чувствую себя неполноценной.

–Возможно, это его стратегия по заманиванию в кладовки и другие подсобные помещения всех более-менее красивых девчонок универа, – смеюсь я в ответ, – Так что не переживай. Может сегодня и переспишь со своей двухметровой дворняжкой.

И я заворачиваю на подъездную аллею к дому Малинских.

–Ты иногда такая высокомерная сучка, – косится на меня Машка, – Откуда столько снобизма? На дворе двадцать первый век.

– Двадцать первый век не отменяет родословную, – бормочу я себе под нос, опять переключаясь на свои внутренние переживания. Ворота медленно открываются, одновременно натягивая мои нервы до предела. Чёртово волнение, – А он вообще непонятно кто такой и откуда. Еще и кичится этим.

– Ты несправедлива. Ну и что, что никто не знает, кто его родители. Это что? Так важно в кладовке?

Мы начинаем обе смеяться. Я от нервов, Машка от пред-

вкусения.

– В конце концов, я не замуж за него собираюсь, – пожимает плечами подруга, выходя из машины.

– Да, отец бы тебя прибил.

– Ооо, его бы удар хватил. Точно! – хихикает она, кивая.

– Мы же – Раковы, – тянет Маша басом, раздувая щеки и поглаживая себя по животу, совсем как Виктор Палыч, её папа, когда говорит тост.

Я опять смеюсь и с досадой отмечаю, что в моём хихиканье есть что-то истерическое. Где тут бар, чёрт возьми?

4. Конверт

– С днём рождения!!! – тянет Машка, повисая на Стасе и оставляя на его щеке влажный поцелуй, – Это тебе!

Она словно фокусник достает из кармана конверт, в котором лежит платиновая подарочная карта в модный салон по тюнингу авто. Стас приобнимает Ракову за талию в знак благодарности и переводит пристальный взгляд на меня.

– У меня тоже конверт, – машу я белоснежной гербовой бумагой у него перед носом и нервно закусываю губу, – С днём рождения. Надеюсь, тебе понравится.

– Это же от тебя, – улыбается Стас, прожигая меня голубыми глазами, вгоняя в ещё большую неловкость, и протягивает руку за своим подарком.

Мои пальцы дрожат, когда я вручаю ему конверт, ноги подкашиваются. Там ведь тоже своего рода подарочный сертификат. Только он на меня. Простая понятная надпись «я буду твоей девушкой», выведенная золотыми тиснеными буквами. Словно в замедленной съемке наблюдаю, как Стас открывает конверт и пробегается глазами по вложенному листку. Хмурится и перечитывает еще раз. А потом его губы растягиваются в белозубой улыбке. Он поднимает на меня сверкающий довольством взгляд.

– Я думал, моего папашу с подаренным паропланом никто сегодня не переплюнет, но ты... – Стас быстро кладет

конверт в задний карман плавательных шорт и делает шаг ко мне. Его рука по-хозяйски обвивает мою талию, отчего я инстинктивно напряженно замираю, а губы неумолимо приближаются к моим.

—Я и мечтать о подобном не мог, Лин, — и все-таки в его взгляде настороженность и вопрос «можно?». Я едва заметно киваю, а потом Стас, выдохнув, целует меня. Это почти дружеский поцелуй. Его губы сухие и теплые, лишь немного приоткрываются. Но вокруг толпа народу. Физически я почти ничего не чувствую, но в мыслях наступает полный раздрай. Ведь все видят. Обратного пути нет.

—Ооо, не помешаем? — раздается задорное за моей спиной, — С днем рождения, бро!

Я быстро отстраняюсь от Стаса, чувствуя нахлынувшее смущение, и он нехотя выпускает меня из кольца своих рук.

—Спасибо, парни, — Малинский крепко пожимает руки подошедшим трём одноклассникам, хлопает их по спине.

Все они с нескрываемым интересом косятся на меня, отчего я невольно краснею. Зря я вручила ему конверт — вот так сразу. Надо было дожидаться более интимной обстановки. Я всегда не любила слишком пристальное внимание к себе и сейчас чувствовала себя цирковой болонкой. Подняла глаза на стоящих передо мной парней, оценивая произведенный эффект от нашего со Стасом показательного поцелуя. Валерка Рябов ухмылялся, Костик Ганин тоже.

И только Аверин, Машкина цель на этот вечер, сверлил

меня тяжелым обвиняющим взглядом из-под нахмуренных бровей, будто выносил приговор отъявленной преступнице. Я вопросительно вскинула бровь и с вызовом посмотрела в препарирующие меня черные глаза. Что он себе позволяет? Вдоль позвоночника прокатилась волна нервной дрожи, заводя.

Но Ник так и не отвернулся. Даже не моргнул. И я тоже почему-то зависла, чувствуя, как бездонные воронки его глаз засасывают меня, словно космическую песчинку черная дыра.

5. Сравнить

–Ты восхитительна, Лин,– Стас настигает меня у установленной прямо на краю бассейна барной стойки и прижимается всем телом к моей спине и бедрам.

Его дыхание, наполненное алкоголем и мятной жвачкой, опалает моё ухо, а твердость в паху вдавливается в ягодичцы. Рука ползет по талии, по- хозяйски сминая ткань легкого платья.

–Поверить не могу, что моя,– когда он говорит, пары алкоголя чувствуются гораздо сильнее, и я понимаю, что он уже пьян.

Хотя еще полчаса назад, когда я оставила его с парнями-одноруппниками, казался вполне адекватным. Моё тело напрягается из-за столь наглого нарушения моего личного пространства, но с другой стороны я сама дала ему карт-бланш. Я не знаю теперь, где очертить границы. И всё же мне неприятно. Слишком быстро. Я не готова к тому, чтобы он потирался об меня своей эрекцией. В груди зреет протест, и я напряженно замираю.

–Может наверх пойдём,– шепчет Малинский, обдавая висок винными парами и поглаживая мой живот,– Здесь так шумно.

–Это же твой день рождения, конечно шумно... Стаас, от-

пусти,— я выворачиваюсь из его объятий, хватаю свой коктейль со стойки и резко поворачиваюсь к нему.

— Отпусти,— я стараюсь говорить мягко и твердо одновременно. Мне не хочется его обижать, но и терпеть, жалея его чувства, я не готова,— Не время, люди кругом. И они- твои гости.

— Меня только ты волнуешь,— Стас криво улыбается, и его остекленевший взгляд впервые так нагло скользит вниз по моему лицу, ощупывает шею и замирает на груди,— Я уж думал, что не дождусь.

Я нервно сглатываю. Он же не считает, что сегодня получит все подарки. Но говорить сейчас "нет" вот так, посреди людей, кажется мне не лучшим вариантом. Я растягиваю губы в напряженной улыбке и смотрю поверх его плеча, ища, куда бы сбежать. Обычно мне приятны его прикосновения. Но сейчас Малинский слишком пьян и слишком настойчив. Я привыкла к другому Стасу, чутко ловящему мою даже самую незаметную реакцию и уважающему её. Сейчас Малинский на это просто не способен.

— Линка! Иди к нам! — Машка, играющая в волейбол в бассейне, ловит мой ищущий взгляд и начинает прыгать, махая мне,— Вольская как раз уходит, нам человека не хватает!

Я облегченно выдыхаю и благодарно улыбаюсь подруге. Маша удивительно тонко чувствует, когда мне нужна помощь. Вот и сейчас она спасает меня. Как всегда.

— Сейчас! — кричу ей в ответ и перевожу извиняющийся

взгляд на Малинского,— Извини. И, Стас... Не торопи меня, пожалуйста. Хорошо?

Я закусываю губу в ожидании его ответа, и вижу, как парень недоуменно хмурится.

—Прости, принцесса,— наконец произносит он хрипло,— Поцелуешь меня?

Я облегченно улыбаюсь, узнавая своего Стаса, и обвиваю его шею, притягивая к себе. Наши губы встречаются, мне в рот попадает его дыхание, пропитанное алкоголем и мятой, а затем наши языки впервые соприкасаются. По телу пробегает томительная истома, и внизу живота становится непривычно горячо. Его поцелуй влажный, но горячий, а язык мягко изучает мой рот. Я отстраняюсь, переводя дыхание, и дрожащим голосом сообщаю, что мне пора. Стас нехотя отпускает меня, кивнув.

На подрагивающих ногах иду к бассейну, на ходу стягивая с себя пляжное платье и кидая его на ближайший лежак. Ганин, одноклассник Стаса, ждущий в бассейне, когда я присоединюсь к ним и вступлю в игру, громко присвистывает, обводя хамским взглядом мою фигуру в бикини, и широко улыбается.

Я, фыркнув, показываю ему фак, а затем прыгаю в воду и оказываюсь рядом с Машкой.

—Не в нашу команду, Лин,— Маша недовольно вытирает лицо от окативших ее после моего прыжка брызг,— К Ганину иди.

Я поворачиваюсь к парням, ожидающим меня за сеткой, и опять замираю, напарываясь на черные прожигающие меня глаза. Как я могла не заметить, что он тоже тут. Может быть, всему виной вода, но ноги отказываются идти. Я прирастаю к кафельному дну. Мне не нравится, как Никита на меня смотрит. Он всегда вгонял меня в краску, был слишком наглым, пару раз отпускал похабные шуточки, даже однажды зажал в коридоре. В общем вел себя как его дружок Ганин. Я привыкла и не обращала особого внимания. Придурки.

Но сегодня что-то изменилось. Он так смотрел... И ни тени улыбки. Тяжело, вязко. Я невольно подумала, что он видел, как я сейчас целовала Стаса. Стало почему-то стыдно и жарко одновременно.

Во рту собирается слюна, я сглатываю и, словно в замедленной съемке, наблюдаю, как Аверин хлопает по водной глади, приглашая меня встать перед ним. Медленно иду к нему, тяжело передвигая ноги в воде. Я проплываю под низко опущенной сеткой и выныриваю прямо перед прожигающим меня тяжелым взглядом парнем. Белое бикини облепляет грудь, и, хотя я точно знаю, что оно не просвечивает, но сейчас мне хочется прикрыться. Медленно поворачиваюсь к нему спиной, занимая свою позицию. Лопатки нестерпимо жжёт, и я нервно повожу ими.

–Подавай,– кричит Никита Машке.

И, стоит мячу взмыть в небо, как Аверин сокращает расстояние между нами, прижимаясь к моей спине. Дежавю.

Стас только что делал так же. Вот только теперь меня трясет так, что кожа моментально покрывается мурашками. И в ушах нестерпимо шумит. Лучше бы я не сравнивала.

6. Вопрос

Я вижу, как мяч летит на нас, но не в силах подпрыгнуть или еще хоть как-то отреагировать. Тем более за меня это, похоже, сделает Никита. Наверно, это случайность. Просто в азарте игры прижался. Но так близко. Кожей ощущаю, как он поднимает руки, чтобы отбить, как двигаются мышцы на его груди. Он смещает меня своим торсом, намертво впечатываясь в мою спину. Я должна была всего-то отойти, но не могу. Дура. Кто еще к кому льнет. Я просто не отошла, когда нужно.

На щеках расцветает лихорадочный румянец стыда. Мяч со звонким шлепком отлетает к сетке, где его подхватывает Рябов и заколачивает хлестким ударом нашим соперникам.

Парни дружно одобрительно ревут, и вибрация в груди Никиты отдается мне в спину.

—Извини, что не отошла,— произношу смущенно и все-таки делаю шаг от него, пытаюсь разорвать контакт.

Но вместо ответа он вдруг сильно сжимает мое бедро, не давая двинуться. Мои ягодицы прижимаются к его паху, и, кажется, сейчас просто сгорят от жара, исходящего от его тела. Даже в воде. Я вскидываю на Аверина недоуменный взгляд, обернувшись через плечо, но он смотрит за игрой, будто ничего не происходит.

–Отпусти, придурок,– шиплю тихо, оглядываясь. Вроде бы никто не обращает на нас особого внимания.

– Сейчас,– отвечает так же тихо Никита, и его рука перемещается на низ моего живота. Пальцы поглаживают край бикини, сдвигая вниз.

– Ты что делаешь? – я снова дергаюсь, пытаюсь вырваться и одновременно сделать это незаметно.

Самое дурацкое в этой ситуации то, что у Аверина такая репутация, что половина присутствующих мне ни за что не поверит, что все происходит против моей воли. Другому я уже давно просто вlepила бы пощечину. Но от Никиты хотелось избавиться тихо. Его пальцы пробежались по пылающей коже под тканью бикини в опасной близости от моей промежности. Еще пару сантиметров и...

–Что у тебя с Стасом? – хриплый тембр голоса без тени улыбки царапает правое ухо.

–Не твое дело...

–Что. У. Тебя. С. Малинским?

И я чувствую давление эрекции у себя на копчике, отчего его начинает нестерпимо жечь.

–Мы встречаемся...Отпусти...– в моем голосе помимо воли пробиваются плаксивые молящие нотки. Голова кружится от адреналина. Я дезориентирована из-за того, что не знаю, как реагировать, и почему так остро чувствую. Мне жарко, стыдно и удушающе хорошо. У Ника такое горячее тело. Я ощущаю его всей поверхностью спины. Дыхание с

нотками грейпфрута обжигает висок.

—Еще вчера не встречались,— возражает Никита. Его пальцы замирают в каком-то ничтожном сантиметре от моих половых губ. Другая рука впивается в бедро, поглаживая выступающую тазобедренную косточку.

—С сегодня,— выдыхаю я, ненавидя себя за этот хриплый шепот, за то, что просто стою, когда он меня так нагло лапает. За то, что перед глазами все плывет.

И тут он отпускает. Разом становится зябко. Я растерянно моргаю. Аверин снова в игре, уже не рядом. Прошло всего несколько секунд. Никто даже не заметил. Меня трясет. Я делаю глубокий жадный вдох, будто вынырнула из глубины. Пытаюсь быстро прийти в себя, нервно поправляю мокрые волосы. Через пару мгновений сердцебиение чуть замедляется, и в ушах перестает болезненно звенеть. Оглядываюсь и понимаю, что Аверин поменялся позицией с Ганиным, и уже под сеткой. Далеко от меня. Больше приставаний не будет. Я закусываю губу, пытаюсь убедить себя, что я этому рада. А через минуту прихожу в себя настолько, что могу уже вполне прилично отбивать мяч.

7. Неожиданность

Когда партия в волейбол закончилась, уже начало темнеть. Большинство гостей давно перебралось в дом, который, казалось, пульсировал в такт оглушительной музыке и бьющим лучам цветных прожекторов. Пьяные крики, смех, топот. Я всерьез опасалась, что от особняка Малинских ничего не останется. Стас как виновник торжества тоже давно был внутри с остальными гостями. Он подошел ко мне, когда уходил, и быстро поцеловал в губы, предупреждая. Я невольно покосилась на Аверина и тут же вновь перевела лихорадочный взгляд на своего новоиспеченного парня. Никита смотрел.

Когда мы с ребятами выбрались из бассейна, оказалось, что стало достаточно прохладно. А мы и не замечали в пылу игры. Ганин предложил согреться в сауне, а потом уже в душ, и все его дружно поддержали. Мы с Машкой подхватили с лежаков наши платья и побежали к банному комплексу, находящемуся в подвале дома.

– Девочки первые, – захихикала Машка, показывая идущим за нами парням язык, пропустила Свету с Кариной, и демонстративно захлопнула дверь у мужчин прямо перед носом. Послышались нестройные возмущенные возгласы, но Машка была непреклонна.

– Давай вместе, Ракова! – заорал Денис Смолов, сын папи-

ного компаньона.

–Я голой хочу! – звонко ответила Машка и пьяно рассмеялась.

Парни тоже заржали по ту сторону двери.

–И что? Чего мы там не видели? Открывай! – нестройный хор забасил сквозь стенку, но слышно было, что они не настаивают и уже рассаживаются в гостиной- предбаннике, чтобы дождаться своей очереди. Звон стаканов, разговоры про закуску... Сауна явно была отложена до поры до времени.

Мы с девчонками разделись и побежали греться. Машка, большая любительница попариться, поставила температуру повыше и разлеглась на верхней полке как ни в чем не бывало, болтая о вечере и о парнях. Меня же уже через минуту начало вести, и даже отвлекающий допрос про Стаса, который мне устроили девчонки, не мог удержать меня в этом адовом пекле. Пот лился в три ручья, неприятно собираясь под грудью и между ног. Вся кожа покрылась липкой пленкой. В голове поселилась томительная слабость. И как они могут сидеть здесь так долго? Я ненавидела жару.

–Ну так, и когда Стасик растопит нашу снежную королеву? – мурлычет Машка, хитро косясь на меня и поглаживая свой плоский живот, – Мне кажется, свою ледяную стрелу он уже заточил. Так паялился на тебя, когда ты из воды за мячом выпрыгивала.

–Ага, только его не те мячи интересовали,– захохотала Светка и кивнула на мою грудь,– А столько из себя джентльмена строил.

–Дааа,– Маша, разомлевшая, довольно жмурится,– Все они- джентльмены, пока жареным не запахнет. А на деле кобели...

–Мой Валера – не такой,– возражает обиженно Карина, как будто ее лично пытался кто-то задеть.

Мы с Машкой быстро переглядываемся, и моя подруга отмахивается от надувшейся блондинки.

–Я к слову, Карыч. Что ты сразу...

И опять смотрит на меня, подмигивая. Я знаю, что Каринкин Валера, который «не такой», пару месяцев назад подвозил Машку с концерта, и зажал ее на заднем сидении своего Дискавери. Только вот Карине эта информация совершенно ни к чему.

–Пойду я,– я встаю и чувствую, что меня уже даже пошатывает от высокой температуры.

–И пяти минут не прошло, Лин, ну ты и слабенькая – фыркает Машка, но я не обращаю на нее внимание и на нетвердых ногах покидаю сауну, заворачиваясь в полотенце.

В бассейн, который находится прямо на выходе из парилки, я нырять не хочу и направляюсь к отсеку с душевыми кабинками, чтобы после сразу пойти в дом и продолжить праздник.

И еще нужно бы попить. После сауны меня всегда мучает дикая жажда. Так что по пути в душ я сворачиваю в гостиную, в которой шумят парни. В предбаннике прохладно, пьяно и весело. Шесть пар любопытных глаз тут же устремляются на меня и с интересом ощупывают мое потное разгоряченное тело, завернутое в одно полотенце. Почему-то об этом я вспоминаю только сейчас, когда их взгляды липнут к моим плечам, рукам, икрам.

—Минералка есть? — произношу хрипло, выбрав объектом для разговора Каринино Валеру, так как он кажется мне самым безопасным из присутствующих.

Парень улыбается и подходит ко мне с бутылкой Боржоми.

—Вы всё что ли? Быстро,— Валера подает мне воду.

—Нет, только я. Девчонки долго еще, а я не люблю,— я делаю несколько жадных глотков и чувствую пристальный взгляд на своей гортани. Слева. Я не поворачиваюсь, но почти на 100% уверена, кому этот взгляд принадлежит. Слишком тяжелый. Последний глоток чудом не застревает в горле.

—Спасибо,— протягиваю Валере Боржоми и быстро ретируюсь обратно.

Хорошо, что обычно мы с Авериным почти не пересекаемся. Он старше на два курса и на другом факультете. Вот только, если я буду встречаться со Стасом, все может измениться. Стоп, почему "если". Я мотаю головой, прогоняя глупые мысли и сомнения, и захожу в последнюю душевую ка-

бинку. Делаю воду почти комнатной температуры, лишь чуть теплее, желая получить заряд бодрости и смыть липкий пот. Вода приятно бьёт по коже, струйками стекает по изгибам тела. Такое простое и расслабляющее удовольствие. Мысли из головы словно утекают вместе с ней и закручиваются в воронку под моими ногами, ускользая в канализацию.

Вдруг дверь резко распахивается, кожу обдаёт зябким порывом сквозняка. А рот мой открывается в немом крике, так как в душевую ко мне вламывается Никита и резко щелкает дверным замком, отрезая нас от реальности.

8. Нет

-Привет,— и без того черные глаза превращаются в угольные воронки, жадно втягивающие в себя вид моего обнаженного тела, которое я безуспешного пытаюсь прикрыть.

Я начинаю кричать, но Ник одним молниеносным движением преодолевает расстояние между нами и закрывает мой рот своей рукой, так что зубы впиваются в его ладонь. Я чувствую языком вкус его кожи, ощущаю, как сильное тело вдавливают меня в кафельную холодную стену, вижу, как вода стекает по его лицу, попадая в глаза. Но Никита продолжает смотреть на меня, не мигая, будто не замечает даже.

-Тшшш, не ори...— его голос на удивление спокойный, взгляд перемещается на мой рот, зажатый его ладонью,— Я ничего тебе не сделаю... Просто поболтаем. Хорошо?

И вопросительно смотрит на меня. Я лишь ошарашенно хлопаю широко раскрытыми глазами. Поболтаем? Я голая, твою мать! В душе! Другого места поболтать не было? Я возмущенно мычу, но это не тянет на согласие.

Не дождавшись от меня положительного ответа, Аверин заговаривает снова.

-Так ты не будешь кричать? Кивни.

Я медленно киваю, и он опускает ладонь. Но не отходит. Я до сих пор зажата между горячим телом и кафельной стеной.

Так сильно, что, если решу подогнуть ноги, наверно просто повисну в воздухе. Минус: на два человека у нас всего один предмет одежды- его плавательные шорты. Плюс: так меня невозможно разглядывать.

–Что ты творишь, придурок? – шиплю Нику в лицо, впервые чувствуя, как лихорадочный румянец заливает все тело, а не только лицо,– Убирайся.

Аверин лишь мимолетно улыбается, а через секунду одна его рука обхватывает мой затылок, фиксируя голову, а пальцы второй впиваются в бедро.

–Он же тебе даже не очень-то нравится. Зачем? – Никита будто не слышит меня.

Я и сама перестаю слышать, так как в ушах кровь шумит сильнее, чем льющаяся вода.

–Что? – я даже не сразу понимаю, о чем он. Ощущаю только его пальцы, выжигающие тавро на моем бедре. А когда понимаю, не могу сдержать истерический смешок.

–Во- первых, не твое дело. Во- вторых, откуда тебе знать, что я чувствую!

– Нуу... – уголок рта Аверина криво ползет вверх, в то время как рука на бедре начинается путешествие по ягоднице,– Сейчас ты чувствуешь злость и возбуждение. Я прав?

Меня и правда накрывает девятым валом и первое, и второе. Но я не готова это признать. Слабо дергаюсь в жалкой попытке вырваться, но лишь облегчаю его руке путь к рас-

щелинке между ягодиц. Из горла непроизвольно вырывается хриплый всхлип, когда я ощущаю его пальцы в настолько интимном месте, все ближе продвигающиеся к моему лону. Мысли окончательно путаются, и одновременно в груди начинает нарастать паника.

Я полностью голая, с мужчиной, за закрытой дверью, его эрекция недвусмысленно вжимается в мой живот, а ладонь уже поглаживает пульсирующие от прилившей крови половые губы. Как это вообще произошло??? Ник погружает в меня палец, отчего мои глаза широко распахиваются, и тут же ослабляет хватку и отпускает мои бедра. После чего подносит блестящую от выделившейся влаги фалангу к моему лицу.

–Прав,– произносит хрипло и улыбается,– Ну так что, принцесса? Отец заставил? Ты же понимаешь, что не обязана трахаться с Малинским только из-за того, что ваши папаши дружно пилят один концерт?

Кипящая злость во мне перевешивает, и я вскидываю руку, чтобы вlepить ему пощечину, но Аверин упреждает удар, и моя запястье оказывается прижатым к стене.

–Что за бред? – я даже сама себе своим шипением змею напоминаю,– Я...Он давно ухаживает, и я...Ты же знаешь...Какого черта я вообще перед тобой отчитываюсь?

–Вот именно. Давно. И ты его давно посылаешь. Так что же изменилось? – вздергивает бровь Ник, продолжая игнорировать ту часть моих вопросов, где я пытаюсь выяснить,

какого хрена ему вообще от меня надо.

– Просто... решила, что... Слушай, отвали. Иначе обвиню тебя в домогательствах, и ТВОЙ папочка точно тебя не спасет.

По лицу Аверина пробегает тень, губы сжимаются в тонкую линию. А потом снова появляется кривая улыбка.

– Решила, что, почему не он, раз все равно с кем-то надо, так что ли? – ухмыляется он.

Я моментально мучительно краснею. Это что? Так очевидно? Унизительно... И много кто подумал так же? Я молчу и закусываю губу, пытаюсь придумать ответ.

– Только это плохой выбор, Лина. Ты не для него, – с губ Никиты сползает кривая улыбка, по щекам прокатываются желваки, в глубине глаз зарождается что-то темное, тяжелое, как черная материя.

– Да? Как интересно, – я пытаюсь говорить с сарказмом, но голос предательски дрожит, – И для кого же по твоему мнению?

– Для меня, – он так серьезно и просто это произносит, что мне становится дурно.

– Я никогда с тобой не буду, – голос пропадает окончательно, я выдавливаю из себя слова сиплым шепотом.

– Будешь, – его рука сильнее сжимает мой затылок, будто утверждая свою власть, – И, если я захочу, будешь прямо сейчас.

– Нет.

Это все, что я сейчас способна сказать. Так как сознание неожиданно заполняют слишком яркие картинки того, что возможно сейчас произойдет, и все чувства моментально обостряются до предела. Мужской запах затапливает легкие, тяжесть и жар вжато в меня тела обжигают. Спину саднит от холодного кафеля, давление его возбуждения на живот становится невыносимо сладким. Губы сами собой размыкаются, и я почему-то начинаю дышать ртом.

– Почему нет? Ты же хочешь меня. В отличие от сноба Малинского. Или деньги важнее, Лин? У меня они тоже есть. Просто я их сам заработал, а не папочка дал.

Я задыхаюсь от того, как он бьет по моим самым потаенным темным мыслям. Это злит, выводит из равновесия. Как и то, что Аверин, когда говорит, непроизвольно покачивает бедрами, еще сильнее вжимаясь в меня. Ему достаточно просто спустить резинку шорт. Тяжесть внизу живота становится нестерпимой. Внутри все напряженно вибрирует.

–Ты- никто...– я сама уже не понимаю, что говорю. Просто хочу избавиться от этого невыносимого напряжения, – Никто, дворняга... Я никогда...

И почему-то кладу руку ему на талию, глажу бок. Просто хочу потрогать. Почувствовать горячую влажную кожу кончиками пальцев, ощутить, как под ладонью напрягаются тренированные мышцы. Я расщепляюсь, распадаюсь надвое. Сознание твердит одно, а тело требует совершенно другое.

Мне начинает казаться, что я схожу с ума.

В глазах Никиты мелькает что-то темное и злое. Рука на затылке резко тянет волосы, заставляя меня всхлипнуть от неожиданной боли. В уголках моих глаз собираются слезы.

– А ты маленькая избалованная заносчивая сучка, -шипит он мне в лицо. Потом в Аверине что-то резко меняется, глаза подергиваются чувственной задумчивой дымкой, и голос становится тише и бархатистей.

– Просто попробуй со мной...

Ком подкатывает к горлу, и я, не в силах выдавить ни слова, отрицательно мотаю головой. Слезы так и стоят в уголках глаз, и его лицо неумолимо расплывается передо мной, теряя фокус. Секунда, и мне становится нестерпимо зябко, так как я стою одна в душе, все так же прижимаясь к холодной кафельной стене. Я пытаюсь осознать, что сейчас произошло, но не могу.

9. Прости

Проходит не меньше двадцати минут, прежде чем я справляюсь с крупной дрожью и чувствую в себе силы выйти из душа. Как раз вовремя, так как девчонки заходят в душевые, а значит парни ушли париться. Путь наверх к остальным гостям открыт.

– Ты до сих пор тут? – Машка провожает меня удивленным взглядом, но я лишь неопределённо пожимаю плечами и пулей выскакиваю из помещения.

Я хватаю своё пляжное платье, натягиваю его на влажную кожу, так как даже толком не вытерлась, и спешу к лестнице, словно за мной кто-то гонится. Страх встретить Аверина сейчас иррационален и очень силен. И хотя я слышу веселые мужские голоса, раздающиеся из сауны, это меня ни капли не успокаивает. Перевожу дух я только тогда, когда попадаю в выделенную нам с Машкой гостевую спальню. Хлопаю дверь и обессиленно сползаю по стене, прикрыв голову руками. Надо собраться. Ведь ничего такого сверхъестественного не произошло. Но убедить себя в этом плохо получается. Меня никогда никто так не касался. Никогда. Я не позволяла. Почему сейчас? Почему с ним? Я была уверена в себе, в своих симпатиях. Раньше.

Аверин всегда такой вальяжный, смотрит свысока, хотя сам из себя ничего не представляет, командует, позволяет

себе лишнее, наглый. Невоспитанный неотесанный чурбан. Я думала, он меня просто бесит. И от этого каждый раз, когда мы пересекались, я становилась раздражительной и нервной. Свято верила, что это всего лишь неприязнь. Наивная дура. Плевать, это ничего не меняет. Я медленно поднимаюсь с пола и начинаю приводить себя в порядок. Купальник летит в сторону, и его заменяет комплект кружевного белья без бретелек. Вместо хлопкового пляжного платья я одеваю короткое черное, обтягивающее фигуру как вторая кожа. Классика никогда меня не подводила. Освежаю макияж, делая акцент на губах и нервно улыбаюсь себе в зеркало. Конечно, может мне и кажется, но внутренний надлом очевиден. Глаза лихорадочно блестят, на щеках горит нездоровый румянец, лишь подчеркивающий бледность остального лица. Черты словно заострились. Я делаю глубокий вдох, одеваю шпильки и выхожу из комнаты.

В гостиной на первом этаже, превращенной в клуб, невероятно шумно. Музыка бьет по барабанным перепонкам, заставляя сердце стучать в бешеном ритме, стробоскопы ослепляют, выхватывая двигающиеся в полутьме фигуры. Поначалу мне кажется, что найти здесь Стаса будет нереальной задачей. Но через минуту мои глаза привыкают, и я обращаю внимание на диваны в дальнем углу, над которыми горит приглушенный свет. Видимо там организован чилаут. Я замечаю светлую модно подстриженную макушку Малинского и пробираюсь к нему через танцующую толпу. Мне

жизненно необходимо сейчас вытравить из головы Аверина, и я надеюсь, что Стас сможет с этим справиться. Я хочу хотя бы попытаться почувствовать рядом с ним тоже самое. Доказать себе, что это всего лишь здоровая реакция организма на близость привлекательного мужчины. Ничего личного.

–Привет, принцесса, – белозубая улыбка Стаса на секунду ослепляет меня. Он такой... уютный, – Я уже хотел идти разыскивать тебя. Как поиграли? Вы долго.

Малинский двигается, освобождая мне место рядом, и я опускаюсь на диван. Мне тесно, народу много, и наши бедра моментально плотно прижимаются друг к другу. Я чувствую жар его ноги, запах парфюма, жадно слежу за каждой мелочью, ловя собственные ощущения. Мне приятно, но... Боже, я сейчас расплачусь. Стас запрокидывает руку на спинку дивана и начинает нежно перебирать мои распущенные волосы. Слишком нежно, словно боится. В кулак бы схватил, и то было бы лучше. Внутри зреет неконтролируемое раздражение: на себя, на него и на проклятого Аверина.

–Мы потом еще в сауну пошли, – произношу я вслух, рассеянно улыбаясь и изучая его лицо.

Стас – красивый. Такая классическая идеальная красота, словно модель. Блондин с голубыми глазами, нордические черты. И холодом веет, как рядом с картинкой из журнала сидеть. Идеальные гены, идеальная родословная. Раздражение внутри нарастает.

–Я чувствую запах геля для душа, – улыбается Стас и на-

клоняется к моей шее, глубоко втягивая воздух. Кожа чуть ниже уха моментально влажнеет от его дыхания, – Ммм... вкусно. Ты вся как десерт, Лин.

Я свожу колени, прикрываю глаза. Стараюсь понять, что я чувствую. Стас пьян и смелеет на глазах. Меня это волнует. Волнует то, что ему можно, но... Надо тоже выпить.

– Принесешь мне маргариту...двойную, – хрипло произношу я, поворачиваясь к своему кавалеру.

–Конечно, – Малинский с готовностью встает и направляется к бару.

Я откидываюсь на диване, потирая виски. Блуждающим взглядом скольжу по извивающейся под модные ритмы толпе. В фокус попадает пара, стоящая в противоположном углу. В горле моментально пересыхает, а легкие вмиг схлопываются, как проколотые воздушные шарики. Я пытаюсь отвернуться, да хотя бы просто моргнуть, и не могу. Машка в красном коктейльном платье с открытой спиной запрокидывает голову, вызываяще смеясь. Её рука как бы невзначай ложится на широкую грудь собеседника, обтянутую белой футболкой. Коленка уже практически просунута между его ног. Она поводит бедрами, сокращая миллиметры между собой и стоящим напротив парнем. Еще секунда, и полностью прижмется. Я вижу, как он склоняется к ней, снисходительно смотрит с высоты своего роста и медленно тянет пиво из бутылки, криво улыбаясь. Он не против. Это видно по расслабленной позе, по задерживающемуся в вырезе пла-

тъя откровенном взгляде. Вдруг он резко поднимает голову, и черные глаза смотрят на меня в упор. Сердце пропускает удар, и я словно гложну.

– Твой коктейль- голос Стаса доносится словно сквозь толщу воды.

Невероятным усилием воли поворачиваю к нему голову, облизываю пересохшие губы. В голове стучит только одна мысль, больно ударяясь о черепную коробку. Машка сегодня добьется своего. Я не могу на это смотреть. Просто не могу!

–Стас, извини, мне отец позвонил. Мне домой нужно... Срочно.

–Что? – Малинский удивленно хлопает глазами, замерев с моим коктейлем.

–Прости, правда...

–Ладно, – растерянно тянет он, – Давай провожу. Ты точно не можешь подольше остаться?

Я ощущаю, как мой висок сверлит тяжелый взгляд черных глаз, и медленно качаю головой.

–Нет, прости.

10. Вечность

Мой телефон вибрирует, когда я уже оказываюсь в комнате у себя дома. Я кидаю беглый взгляд на экран и застываю в нерешительности. Машка. Мне страшно брать. Я могу услышать подробный пьяный рассказ о том, о чем знать не хочу ни при каких обстоятельствах. Слабовольно пропускаю вызов, но она не сдаётся. Сделав пару кругов по комнате, я все-таки поднимаю трубку.

–Привет, ты где? Малинский правду говорит, что ты уехала? – ее голос веселый и требовательный одновременно.

–Да, я уже дома, Маш, – осторожно отвечаю я.

–Что-то случилось? – спрашивает она обеспокоенно.

–Да нет, просто... Просто месячные пошли, живот сильно заболел. Еще и с собой ничего не было, – фантазирую я на ходу, расхаживая по комнате. Мне приходится говорить громко, так как, хоть Машка очевидно и отошла, звуки праздника все равно рвутся из трубки.

–Ааа, ясно, – облегченно выдыхает Ракова, – Мда, неудачно вышло, сочувствую. Хоть для меня это конечно просто праздник какой-то.

И она пьяно хихикает в трубку.

–Почему? – не сразу соображаю я.

–Ну как? – поясняет Машка хмельным голосом, – Мы с тобой на двоих гостевую спальню делили, а теперь я одна... Ну

как одна...

И подружка томно вздыхает.

—Ох, Линка. У Аверина там походу целый Каа в штанах. Чувствую себя одуревшим бандар-логом, ждущим, что его сейчас съедят,— и она снова заливисто хихикает.

— Мне пора, Маш, развлекайся,— выдавливаю из себя и кладу трубку, не дождавшись ответа. Несколько секунд смотрю на гаснущий экран смартфона, а потом со злостью швыряю его на кровать, словно он в чем-то виноват.

Утро не приносит облегчения. Тем более, что полночи я проворочалась, не в силах заснуть. Голова тяжелая, глаза мутные, а мысли вялые и серые, совсем как небо за окном. Еще и сдача курсовой сегодня. Не то, чтобы сложно. Но ехать в универ не хочется. Там я неминуемо наткнусь на Машку. А слушать ее восторженные оды питону Аверина я просто не способна.

Стоит мне о ней вспомнить, как Ракова снова звонит. С тяжелым сердцем поднимаю трубку, спрятаться не получится.

—Привет! — ее бодрый голос больно ударяет по моим натянутым нервам. Вопросы и слова летят в мое ухо словно пулеметная очередь, —Как дела? Тебе лучше? Будешь другом-заедешь за мной? Я за руль сесть не в состоянии. В голове Хиросима после вчерашнего.

—Ладно,— пожимаю я плечами, сдаваясь,— Будь готова к

одиннадцати.

Потом закусываю губу и, жмурясь, все-таки задаю вопрос, вертящийся на языке.

–Как ночь?

–Нормально. Весело было. Напилась, говорю же,– отмашивается Машка.

Но я не слышу то, что хочу услышать. Я делаю глубокий вдох и уточняю, одновременно проклиная себя за слабость и мазохизм.

–А Аверин?

–Козел- твой Аверин,– неожиданно рычит в трубку подруга,– При встрече расскажу. В общем жду к одиннадцати, детка. Собирайся!

–Ок,– я растерянно моргаю и стискиваю в дрожащей руке смартфон. Так не было или было? Вскидываю взгляд на настенные часы. Только девять. Еще два часа. Вечность.

11. Признание

–Заедем за кофе? – Машка врывается ко мне в машину как карнавал. Яркая, шумная и пахнущая чем-то сладким, – О, моя голова. Мне срочно нужен приличный раф.

–Без проблем, – я напряженно улыбаюсь и вцепляюсь в кожаную оплетку руля. Нетерпение достигло апогея, вопросы рвутся с языка, но обычно я не настолько любопытна и боюсь, что, если сразу начну свой допрос, Машка что-нибудь заподозрит.

Поэтому, вместо того, чтобы приступить к разговору, я молча выруливаю из её двора и сворачиваю в сторону шоссе. Ехать нам минут сорок. И то, если повезет. Более чем достаточно, чтобы обсудить вчерашнюю ночь до мельчайших подробностей. А подробности Машка любит. Я нервно сглазываю.

–Жаль, что ты вчера так рано ушла, – Ракова заводит разговор сама, как я и предполагала, – Было весело. Ефимовского знаешь? Представляешь, с балкона свалился, придурок! Да еще голый!

Она заливисто смеётся, а я удивленно вскидываю брови.

–Хорошо, хоть внизу кусты были и клумба. Но его задницу расцарапанную я никогда не забуду, – продолжает Маша, фыркая.

–Как он так?

– Да полез к Олесе ночью в комнату, она его выгоняла, а он спяну решил трагедию разыграть.

– Ааа, – тяну я, кивая, – А ты?

– Что я?

– Как ночь провела? – я стараюсь, чтобы голос мой звучал естественно и беззаботно, но, по-моему, не очень выходит. Впрочем, Маша кажется не замечает ничего.

– Да никак, – фыркает она, – думала с Авериним срастётся. Он вроде даже не против был, сам потанцевать пригласил и вообще... Мы уже целовались... Он конечно ммм...

Я стискиваю руль так, что костяшки пальцев белеют.

– А потом вдруг ОП и всё. Как отрезало. Начал оглядываться. Потом сказал, что нужно кого-то найти, и исчез. Оставил меня с раскрытым ртом. И просто ушел, как и ты, представляешь? Ненормальный какой-то, – обиженно заканчивает Машка.

А я стараюсь скрыть облегченный выдох. Напряженные плечи сами собой расслабляются, и рассеянная улыбка скользит по губам. Я не могу не думать о том, что возможно он выискивал меня. Это глупо, но ужасно льстит. В груди растекается предательское тепло. Чёрт, у меня похоже проблемы.

– Ты что так улыбаешься? – подозрительно косится на меня Ракова, но я только отрицательно машу головой, не отвечая.

– Ну и не нужен он тебе, – произношу как можно равно-

душной, – Может и к лучшему.

– Эх, Линка, ничего ты в мужиках не понимаешь, – тяжело вздыхает Машка.

Я закусываю губу и начинаю говорить вслух свои собственные сомнения.

– Он не нашего круга.

– И что? – хмыкает подруга, – Деньги-то у него все равно есть. Чем он там занимается, не помню...

– Приложения какие-то разрабатывает, переводя с китайского, – глухо подсказываю я.

– Ну вот. И ничего, хватает, чтобы тусить с тем же Малинским, на нормальной машине ездить. В аспирантуру пойдет. Значит, не дурак, а в мужчине это знаешь ли тоже плюс, – назидательно вещает Машка, – Пройдет десять-пятнадцать лет, и, кто знает, у кого денег больше будет: у Малинского с Ганиным, которые ни дня не работали, или у того же Аверина. Вон на Цукерберга посмотри. Задрот задротом, а миллиардер. А Ник и соображает, и трахнуть хочется.

И она заливисто смеётся.

– Думала, тебя только последнее интересует, – сухо цежу я. Почему-то то, с каким усердием Ракова хвалит Никиту, меня начинает раздражать. Когда это ей вообще было интересно, что в голове у парня. У неё взгляд выше ширилки ни разу на моей памяти не поднимался.

– Нууу... – тянет Машка и загадочно улыбается, отчего мне становится не по себе.

– Знаешь, он мне по-настоящему нравится, правда. Я бы даже рискнула его папе показать, – добавляет она неожиданно тихо и, что совсем уж невероятно, смущается, – Только не смейся и не говори никому, хорошо?

Я перевожу невидящий взгляд на дорогу, она серьезно? Быть не может.

–Конечно, – произношу бесцветным голосом.

–Ты ничего не скажешь? – ей хочется продолжить говорить об Аверине, а вот у меня все желание резко пропадает, – Где твои обычные лекции про социальное неравенство? Или про то, что он придурок?

–Это твое дело, Маш. Не будет лекций, – устало отвечаю ей.

Я ощущаю себя разбитой. Еще вчера я даже не думала о Никите. Но какие-то сутки, и он повсюду. Даже в голове моей лучшей подруги. Как это произошло?

Маша бы наверно и дальше продолжила болтать про своего любимого Аверина, но у меня звонит телефон. На экране высвечивается «Стас». Я нажимаю на громкую.

–Да.

–Привет, принцесса, что делаешь?

–В универ с Машкой едем. Курсовую надо сдать.

–А потом?

Я неопределенно пожимаю плечами.

–А потом ничего.

–Отлично, может сходим куда-нибудь? А то вчера все как-

то странно получилось... Твой подарок, а меня гостей куча, и ты уехала, и...

– Хорошо, – обрываю я его, улыбаясь. Голос Стаса выдает его нервозность, и мне это льстит, – Конечно.

– Ок, – я отчетливо слышу нотки облегчения, – Во сколько ты освободишься?

– Давай вечером. Заедешь за мной в семь?

– Да.

Стас тут же отключается, будто боится, что я передумаю. Машка расплывается в хитрой улыбке.

– Мне показалось, или я действительно слышала, как Малинский от счастья бил хвостом по полу... – фыркает она, и я тоже начинаю смеяться.

12. Свидание

–Ну что? Куда ты хочешь? – Стас улыбается, вырубивая из нашего двора,– В кино? В ресторан? Можем на стенд-ап сходить.

–Давай просто поужинаем,– я устало тру виски.

Сдать курсовую оказалось не так просто, как казалось на первый взгляд. Профессор продержал нас почти три часа. А после мы с Машкой встряли в жуткую пробку. Дома я оказалась лишь в шесть, и самым большим моим желанием было все отменить. Если бы я вчера не сбежала с праздника, я бы наверно так и сделала. Но поступить с Малинским подобным образом второй раз подряд было бы слишком.

–Отлично, в "Марсель"? – интересуется Стас.

–Да, устрицы то, что нужно,– я слабо улыбаюсь и откидываю голову на подголовник. Стас включает музыку, позволяющую нам не разговаривать, что меня полностью устраивает.

–Тяжелый день? – участливо спрашивает Малинский.

–Да,– мне приятно, что он все понимает и не донимает меня лишними расспросами, позволяя просто отдохнуть во время дороги.

Из динамиков льется Weekend, меня окружает теплый запах кожаного салона и нотки мужских духов. Тело потихоньку расслабляется, сбрасывая накопившееся напряжение.

ние. Так, перебросившись лишь парой ничего не значащих фраз, мы добираемся до ресторана. Стас помогает мне выйти, его рука как бы невзначай накрывает мою поясницу и остается там. Напряжение тут же возвращается. Малинский напоминает мне, что привычные границы между нами стерты, и надо двигаться дальше. Его ладонь прожигает мою спину словно клеймо.

Администратор усаживает нас за уютный столик в глубине зала, и я с облегчением избавляюсь от тактильного контакта с парнем, занимая противоположный диванчик. Пальцы ощутимо подрагивают. Так, что даже меню слегка трясется перед глазами. Я заказываю устрицы и белое вино. Больше в меня ничего сейчас не влезет.

–Сядь со мной,– Стас улыбается одним уголком губ, прожигая меня затуманенным взглядом и выразительно хлопает по своему диванчику.

Я закусываю губу, и после секундных раздумий все-таки пересаживаюсь, тут же попадая в кольцо его рук. Лицо Малинского оказывается так близко, что начинает раздваиваться. Запах мятной жвачки ударяет в нос. Теплая ладонь сминая мою талию.

–Можно? – сиплым шепотом интересуется Стас, медленно сокращая расстояние между нашими губами.

А мне вдруг приходит в голову дурная мысль, что кое-кто другой бы не спрашивал. Я злюсь на себя за то, что в памяти в такой момент всплывает Аверин, и сама подаюсь Стасу на-

встречу. Его губы влажные и теплые. Мягкие. Он целует меня... уважительно что ли. Это бесит. Я притягиваю к себе его белокурую голову, сама проникаю языком ему в рот. Я хочу по-другому. Хочу, чтобы внутри загорелось все, лавой стекаясь вниз живота. Чтобы дышать стало нечем. Чтобы мне было плевать, что мы на виду у всех в шикарном ресторане, чтобы...

– Чёёрт, Лина, – Стас резко отстраняется, шумно выдыхая. Его глаза ошалело сверкают, – Я...

Он обводит взглядом зал, проверяя, смотрят на нас или нет. Он чувствует смущение, а я жгучее разочарование.

– Может ко мне, принцесса? – Малинский склоняется к моему уху, влажно дышит в висок, – Раз ты так...

Я лишь отрицательно машу головой и слабо улыбаюсь.

– Мы просто приехали поужинать. И я жду свои устрицы.

– Ок, – Стас обнимает меня, прижимая крепче к себе, но в этом нет никакого сексуального подтекста.

Он бы мог так и с сестрой сидеть. Разочарование разъедает меня изнутри. Нет, я не чувствую. Я не чувствую к нему ничего. Симпатия, доверие, уважение наверно, но этого так ничтожно мало для настоящих отношений. Я невольно воспроизвожу в голове вчерашнюю сцену в душе, и меня начинает лихорадить лишь от одного воспоминания. И свой отказ тоже вспоминаю. Сейчас я в нем совсем не так уверена.

Нам приносят вино, Стас начинает рассказывать про прошедший день рождения. Я слушаю вполуха, погруженная в

себя. Хорошо, что в зале приглушенный свет, я опираюсь головой на грудь Малинского, и он не видит моего отрешенного лица. Хорошо, что я отлично улавливаю его интонации, и автоматически смеюсь в нужных местах. Мне бы наверно вообще было бы хорошо с ним, если бы я вчера не узнала, что бывает по- другому. Решусь ли я?

Через два часа мы покидаем ресторан, за все время лишь еще пару раз прикоснувшись друг к другу губами в целомудренном поцелуе.

– Поехали ко мне? – предлагает Стас, обнимая меня за талию, когда мы подходим к машине. Но я уже не хочу ничего.

– Нет, я устала, отвези меня домой.

На лице Малинского мелькает разочарование, но он не смеет возразить. По дороге мы едем молча. Я задумчиво смотрю на мелькающие огни ночного города за окном. Внутри бурлит ощущение пронзительного одиночества, причудливо переплетающееся с волнительным предчувствием. Ощущение, что скоро произойдет что-то очень важное, все больше захватывает меня. Не знаю, плохое или хорошее, но точно что-то значительное, судьбоносное для меня.

Стас заезжает в наш двор, глушит машину у парадного входа и притягивает меня к себе. Его поцелуй сейчас гораздо более требовательный и наглый. Рука с моей шеи медленно спускается на грудь и сжимает ее. Язык толкается в рот, ударяясь о небо. Но у него все равно такие мягкие губы. И

слишком влажные. Я пытаюсь ответить, сама распалить себя, но ничего не выходит. Когда вторая его рука проникает мне под юбку и ползет по внутренней стороне бедра к развилке между ног, я сдаюсь.

—Мне пора. Спокойной ночи,— я отстраняюсь резко, смотря в его мутные, полуприкрытые веками глаза.

Малинский молчит, будто мои слова не сразу доходят до него. Потом, тряхнув головой, выходит из машины и, обойдя ее, открывает мне дверь.

—Спокойной, принцесса.

Он протягивает мне ладонь, помогая выйти. Я опираюсь на подставленную руку, делаю нетвердый шаг, и перед глазами все неожиданно темнеет от резкой невыносимой боли.

—Ааа..

—Лина, что? — Стас подхватывает меня, не давая упасть.

—Нога...— цежу сквозь зубы,— Каблук подвернулся. Я ее сломала по- моему. Как болит-то.

Стас опускается на корточки передо мной и ощупывает голеностоп под мое тихое поскуливание.

—Так, садись обратно. Поехали в травму,— выносит вердикт Малинский и запикивает меня в салон своей машины,— Сломать — вряд ли сломала. Но отек уже есть. Надо проверить.

Я покорно занимаю свое место, кривясь от дико неприятных ощущений. Вечер неожиданно продолжается.

Так мое первое свидание с моим первым парнем закончилось растяжением голеностопа и ограничением в движении и обуви как минимум на неделю. Уже перед сном, прокручивая в голове прошедший странный день, я решила, что это не очень хороший знак.

Больше всего меня волновало, как я буду водить машину все это время. Ведь сейчас летняя сессия, ездить в универ приходится практически каждый день, а насчет такси у меня небольшой пунктик. Ну как небольшой... Развилась настоящая фобия после того, как мама два года назад погибла в аварии, которую спровоцировал ее таксист. Но отец сказал, что уже решил этот вопрос. Сын его водителя, Романа Константиновича, согласился повозить меня ближайшую неделю. Без понятия, кто это. Но Роман Константинович поклялся, что он очень ответственный, спокойный, к тому же учится в том же универе, что и я. Да и папа его знает. Оказывается, в прошлом году парень проходил практику в его офисе. Что ж, пусть будет сын водителя. У него это наверно в генах.

13. Извозчик

Хотя на часах нет и девяти утра, на кухне уже вся моя семья. Все два моих родных человека. Папа пьет кофе, уткнувшись в телефон. А Мишка упорно уворачивается от обязанности доест кашу. Но Гулю, его няню, не так-то просто сбить с пути истинного, и все мы знаем, что каша, а с нею и Михаил, будут побеждены. Брат с мольбой смотрит на меня поверх ложки, но против Гули даже я бессильна.

-Доброе утро,— я делаю себе двойной эспрессо, подхватываю тосты с общего блюда и сажусь напротив отца.

-Доброе,— папа вскидывает на меня глаза, оторвавшись от телефона, и тепло улыбается,— Ты что так рано? Или тебе в универ?

-Да. У меня зачет сегодня. Надеюсь, водитель приехал уже. Я Роману Константиновичу сказала вчера.

-Раз сказала, значит уже приехал,— пожимает плечами

отец,— ты насчет Никиты не волнуйся. Он парень хороший, ответственный... Черт! Ты чего, дочка?

Отец подскакивает с места, отряхивая мой кофе с рукава своего пиджака, и начинает яростно стучать мне по спине.

-Никита? – хриплю я, откашливаясь, и поднимаю на папу заслезившиеся глаза,— Его Никита зовут? Аверин?

-Да, сын Романа. Ты что, Лин? Говорили же вчера.

-Я...– я не знаю, что сказать. До меня только сейчас дошло, что у них одна и та же фамилия. В конце концов не такая уж она и необычная. И мысль, что Аверин – сын водителя моего отца просто не укладывается в моей голове. Я осозновала, что он из обычной семьи, но чтобы настолько...

-Прости,— я кошусь на папин заляпанный пиджак, а потом ловко уворачиваюсь от еще одного увесистого хлопка по спине.

-Да уж,— отец с тоской оглядывает свой костюм,— Пойду переоденусь. Ты как, нормально?

-Да, просто подавилась...

-Ладно. Так вы знакомы?

-Да, похоже. Мельком. Он приятель Стаса Малинского, — я отвожу взгляд от пронизательных глаз отца, который с любопытством наблюдает за мной. По телу бежит нервный озноб, давление подскакивает, отзываясь шумом в ушах. Но я очень надеюсь, что этого не видно.

-Ну это же хорошо?— интересуется папа, не совсем понимая мою реакцию. Я вижу, как между его бровей залегает морщинка. Взгляд становится сканирующим.

-Да, конечно,— я натянуто улыбаюсь и радуюсь тому, что он уже опаздывает.

Отец и правда всего через секунду перестает впиваться в меня пронзительным взором, вспоминает о своем испорченном костюме, и, пробормотав себе под нос " ну, если что-говори", а после чмокнув меня в макушку, уходит переодеваться.

А я бессмысленным взглядом упираюсь в стену. Во дворе сейчас меня ждет Аверин? Мы вместе поедem в универ? Запах еды неожиданно вызывает тошноту, ладони потеют. Я дрожащими пальцами обнимаю чашку с кофе, будто пытаюсь согреться. На периферии сознания раздается голосок Мишки, но я не сразу понимаю, что он лапочет.

-Что?– я поворачиваюсь к брату, рассеянno моргая.

-Я хочу в аквапалк! – повторяет брат, хлопая огромными ресницами,– Ну, Лина!

-Хорошо, после универа, рыжик,– я машинально соглашаюсь, даже не до конца понимая, на что. Оставляю свой недопитый кофе и нетронутый завтрак. И , подхватив сумку и

чмокнув распевающего от счастья брата, на негнущихся ногах выхожу из дома.

Я застываю на крыльце, судорожно одергивая не требующего этого жеста юбку, и облизываю губы, встречаясь взглядом с пронзительными черными глазами. Моя догадка подтвердилась. Прямо передо мной стоит черная камри Аверина. А сам хозяин, вольяжно опершись бедром о капот седана, пасмурно смотрит на меня в упор. Через несколько секунд его темная бровь вопросительно ползет вверх. И только тогда я осознаю, что так и не сдвинулась с места. Просто стою и плююсь на него.

-Не опоздаешь, Польская? Я и так тут уже полчаса торчу, — тянет Аверин и распахивает передо мной переднюю пассажирскую дверь. А потом добавляет с ядовитой иронией.

-Или ты сзади поедешь, чтобы рядом с прислугой не сидеть?

И я моментально отмираю, нащупывая себя привычную в этом жарком смятении, опутавшем меня.

-Что, зубы забыл почистить? Боишься, задохнусь?– фыркаю я, тяжело ковыляя по ступенькам к сощурившемуся парню.

Никита быстро смеряет оценивающим взглядом мои тщетные попытки спуститься по лестнице с чувством собственного достоинства. А уже через секунду я, охнув, оказываюсь у него на руках.

-Слишком жалкое зрелище,– бормочет Аверин в своё оправдание и выгружает меня на переднее пассажирское сидение.

Я не успеваю ничего: ни поблагодарить, ни возмутиться. А Никита уже, заняв своё место, заводит машину.

-Если и задохнешься со мной, то не от этого,– нагло подмигивает мой временный извозчик и трогается.

14. Разговор

– Почему мы едем на ТВОЕЙ машине? – спрашиваю я через пару секунд вынужденной заминки. Так как мне необходимо время, чтобы прийти в себя после того, как меня неожиданно донесли до автомобиля на руках.

– Она тебя чем-то не устраивает? – возвращает вопрос Аверин, вскидывая бровь.

– Не хочешь, чтобы в универе знали, что ты у меня водителем подрабатываешь? – я ехидно улыбаюсь, потому что уверена, что дело в этом, – Ну так я все равно скажу, иначе как мне Стасу объяснить, что ты меня возишь. Ничего личного.

Никита поджимает губы, и по его щекам прокатываются желваки.

– Во-первых, я не подрабатываю. А во-вторых, говори, что хочешь, мне плевать, – цедит раздраженно Аверин и делает музыку громче.

– На что тогда злишься? – мне правда интересно, я даже поворачиваюсь к Никите вполоборота, с любопытством разглядывая его словно окаменевшее лицо.

Аверин отвечает не сразу, щурится на дорогу и растягивает губы в кривой улыбке, а потом все-таки хрипло произносит.

– На хрена тебе Стас? – парень косится на меня, прожи-

гая обвиняющим взглядом черных глаз, и снова переводит внимание на дорогу.

– Не твоё дело, – бурчу себе под нос, отворачиваясь.

У него нет права задавать мне подобный вопрос. А обидней всего почему-то то, что я сама себе его полночи задавала. И к утру практически убедила себя, что Стас мне все-таки нужен. Вот только сейчас я сижу в машине Аверина, где все пропитано им, мое бедро ощущает жар его правой руки, покоящейся совсем рядом на коробке передач, а в груди нарастает нервное возбуждение, похожее на опьянение. И оно толкает меня продолжить разговор.

– Почему не подрабатываешь? – немного перевожу тему, –
Не бесплатно же ты меня возить вызвался?

– Бесплатно, – просто отвечает Аверин, больше ничего не добавляя.

– Не верю, – фыркаю я.

– Я в долгу перед твоим отцом, – произносит Никита спокойно, а потом косится на мою коленку, – И мне нравятся твои ноги.

Я тут же натягиваю юбку пониже, а Аверин ухмыляется. Козел.

– Думаешь, так легко поступить в МГИМО на бюджет? – продолжает Ник, вслух мою реакцию никак не комментируя, – Я проходил по баллам, но связи решают больше, чем хорошие оценки и грамоты с олимпиад. Так что...

Он переводит на меня хитрый взгляд.

– Не одна ты там учишься благодаря папе.

Я задумчиво смотрю в окно.

– Как так вышло, что я даже не знала, что ты... – я не знаю, почему мне сложно продолжить предложение. Наверно, факт, что он сын нашего шофера, просто до сих пор не уложился в моей голове. Загадочное происхождение Аверина, честно сказать, импонировало мне больше. А так все стало до ужаса прозаично. Я знала, что жена Романа Константиновича – учительница по физике. Знала, что у него двое детей. Обычная семья из параллельной для меня вселенной.

– Сын вашего водителя? – договаривает за меня Аверин. На его губах играет ироничная улыбка. Наверно, моя реакция раздражает его. Но смущенным он себя явно не чувствует, – А откуда бы тебе это знать?

– Отец мог сказать, что мы учимся вместе, – пожимаю плечами я.

– Твой отец – не самый разговорчивый человек. И, думаю, он просто не считал это важным. Я для него – всего лишь сын его сотрудника, которому не сложно помочь. Для него это ничего не стоит. Тем более он рассчитывает, что получит с этого дивиденды. Я недаром у него практику каждый год прохожу. Он ждет, что я пойду к нему работать.

– Так ты ценный кадр, – весело тяну я и тут же жутко смущаюсь, так как мой голос прозвучал чересчур игриво.

Аверин видимо тоже это замечает и одаряет меня ехидной улыбкой.

–Представь себе...Не все считают меня придурком, как ты, Польская.

–Они могут ошибаться, – хмурюсь я в ответ. Еще не хватало, чтобы он решил, что я с ним кокетничаю. И чтобы так решила я сама.

На некоторое время в салоне повисает тягостное молчание. Впрочем, тягостное, похоже, оно только для меня. Никита не выглядит ни смущенным, ни напряженным. Даже начинает тихо подпевать льющимся из динамиков песням, едва шевеля губами. А я не могу ехать вот так, молча. Так я слишком сильно ощущаю, как бешено колотится сердце в груди, и как крупно дрожат ладони на коленях. Я вцепляюсь руками в сумку, чтобы дрожь была не так заметна, и вновь начинаю разговор.

–Значит, ты не против, если я скажу, кто ты? Ты столько скрывал, – осторожно начинаю я.

–Я не скрывал, – спокойно возражает Никита, – Малинский, к примеру, знает.

–Но...

Вот тут я опять удивляюсь. Этого быть не может. Девчонки как-то даже на деньги спорили, откуда Никита взялся. В универе, где твоя родословная- такой же документ, как зачетка, человек с неизвестными корнями словно бельмо на глазу.

– Вот не надо, – возмущенно тяну в ответ, – Я сама пару раз слышала, как ты уходил от подобных вопросов.

–Ладно, от парней не скрывал. Им плевать, а девчонок так кадрить легче, – весело смеётся Аверин, – Вы любите загадочность. Пацанов это забавляло. То, как легко можно залезть под юбку, просто наплетя что-то про отца, сидящего в тюрьме на Мальдивах. Они и не сдавали меня. Так понятней?

Мне становится обидно за весь женский род разом. Вот же жук. Еще и хвастается этим.

–Ну теперь и девчонки узнают, – мстительно шиплю в ответ, – Так что конец твоей подюбочной карьере, Аверин. С сыном шофера переспать желающих будет в разы меньше.

–Знаешь, я и так уже планировал завязать, да и последний курс, – тянет вальяжно Никита, продолжая улыбаться, – К тому же...

И он поворачивается ко мне, прожигая неожиданно серьезным тяжелым взглядом.

–Меня сейчас только одна юбка интересует, – его голос быстро спускается до хриплого шепота, отдается томной вибрацией в моей груди, – И рано или поздно ты её снимешь для меня.

Я замираю, как кролик, уставившийся на удава. Слишком резкий переход. Тело цепенеет в жарком смущении. Жадно глотаю воздух только, когда он отворачивается, чтобы посмотреть на дорогу.

–Этого не будет, – звучит почти жалобно, будто я его уго-

вариваю.

Никита только криво улыбается, игнорируя меня.

– Не будет, слышишь! – я начинаю злиться, повышаю голос. Хочется его ударить, убедить. Он выглядит таким уверенным, самодовольным, что меня начинает трясти.

– Приехали, – прерывает мою начинающуюся истерику Аверин и, как ни в чем не бывало, выходит из машины и открывает мою дверь, – Звони, как освободишься. Я буду на кафедре.

Мне ничего не остается, как воспользоваться предложенной помощью и опереться на его протянутую руку. Когда я оказываюсь на ногах, Аверин на мгновение прижимается ко мне всем телом, его ладонь пробегается по моей спине, спускается ниже, пальцы сминают ягодицу, жаркий шепот щекочет ухо.

– Будет.

И он тут же отступает, плачет сигнализацией и идет в сторону универа, оставляя меня одну на парковке: смущенную и растерянную.

15. Переписка

-Тебя что, Аверин привез?– шипит Машка, стоит мне доковылять до своего места рядом с ней, перед этим извинившись за небольшое опоздание перед преподавателем.

Я закусываю губу, оттягивая момент признания. Почему-то эта информация воспринимается мной, как глубоко личная, и делиться ей с подругой я не хочу. Тем более зная ее боевой настрой в отношении моего временного водителя.

-Откуда ты знаешь?– не сразу отвечаю я вопросом на вопрос.

-Климова в окно видела,– глаза Раковой смотрят на меня требовательно и настороженно, отчего кожу на лице начинает покалывать.

-Да...Я подвернула ногу вчера, и отец сказал, что меня пока повозит сын его шофера. А утром выхожу на улицу, а там...– я набираю в грудь побольше воздуха, видя как рас-

ширяются Машкины глаза от моего рассказа, нагибаюсь поближе к ней и возбужденно шепчу,– А там Аверин меня ждёт, представляешь? Он, оказывается, сын нашего Романа Константиновича.

–Да лааадно,– тянет Ракова гораздо громче, чем следовало бы, и тут же награждается грозным взглядом преподавателя.

–Да. Я и подумать не могла,– продолжаю я одними губами.

–Я тоже,– растерянно вторит Машка.

Я кидаю на онемевшую подругу хитрый взгляд.

–Так что, боюсь, со знакомством с папой придется тебе повременить,– не знаю, почему меня эта мысль веселит, но я искренне улыбаюсь,– Такого парня он тебе точно не спустит.

Но Машка лишь раздраженно фыркает в ответ.

-Подумаешь. Ну и что. Может с папой и правда знакомиться не стоит, но в остальном что это меняет?– и Машка начинает тихо хихикать,– Член у него от этого короче не стал.

Я моментально краснею, а в сторону развеселившейся подруги летит грозное.

-Ракова, сейчас за дверь пойдете!

-Простите, Эльдар Ваганович,– тут же отзывается Маша и невинно хлопает нарощенными ресницами, вытягиваясь по струнке.

Некоторое время мы молчим и усердно пишем, так как Ваганыч коршуном следит за нами. Но стоит ему расслабиться, как Машка тут же начинает возбужденно шептать мне в ухо.

-Слушай, я тоже с вами хочу. Линка, давай ты будешь за

мной заезжать?— ее голубые глаза, устремленные на меня, возбужденно сверкают.

А я недовольно поджимаю губы, судорожно ища причину отказать. Сейчас я не заставляю себя анализировать, почему нет. Не копаюсь в себе. Просто знаю, что я точно против.

-И как я это объясню?— мой голос неожиданно звучит хрипло и раздраженно.

-Что объяснишь? Кому объяснишь?

-Аверину.

-А зачем? — она непонимающе смотрит на меня,— Он же в роли водителя, так? Как скажешь ему, так и будет. Ну, начнёт возмущаться, я придумаю, как его успокоить...

-Ракова, на выход!— неожиданно рычит Ваганыч, спасая меня от необходимости отвечать. Я мысленно целую стари-

ка в морщинистую щеку. Намек подруги был слишком прозрачным, а голос слишком томным.

-Но Эльдар Ваганович,– капризно тянет Машка.

-Мне считать?– преподаватель неумолим.

Машка возмущенно фыркает, кидает в сумку тетрадку и ручку, и, надменно вскинув подбородок, гордо покидает аудиторию. Я провожаю её встревоженным взглядом. Она ведь не отстанет. Чёрт. И объективных причин отказывать у меня нет. Но ведь это значит, что больше не будет этих разговоров в машине, от которых у меня до сих пор по телу жаркие мурашки, этих взглядов... Я смотрю на Ваганыха невидящим взором, слышу его монотонную речь, но не улавливаю ни единого слова. Может и к лучшему? Я же не хочу всего этого... Ведь не хочу? Так какой смысл отказывать Машке?

Телефон вибрирует, и на экране всплывает сообщение от Раковой.

Ну что? Устроишь мне автосвидания с нашим жарким брюнетом? :-)))

Я переворачиваю гаджет, чтобы не видеть дисплей. Чёёёрт.

Но телефон снова вибрирует. Даю себе минуту, глубоко вдыхаю и смотрю следующее сообщение. Оно оказывается от Стаса.

Ты в универе? Могу за тобой заехать, сходим в кино :-)))

Я замираю, прочитав, а потом быстро строчу ответ.

Нет. Я обещала Мишке сходить с ним в аквапарк сегодня.

Так давай я вас отвезу. И время вместе проведем.

Я задумчиво смотрю на экран, кусая губы.

-Что вы там такого интересного увидели, Польская? – гремит Ваганыч, сверкая на меня злобным взглядом над стеклами очков.

-Простите, убираю,– я смущенно засовываю телефон под стол, но перед этим быстро набираю Стасу ответ.

Не сегодня. Нас отвезет водитель.

И кидаю гаджет в сумку. Сердце отчаянно бьётся где-то в горле. Я что? Собралась тащить Аверина с собой в аквапарк? Я сошла с ума. Но губы вопреки всему расплзаются в бездумной улыбке.

Стоит мне выйти из аудитории, как в мой локоть вцепляется Машка.

-Ты что не отвечала?— возмущенно шипит подруга, сверля голубыми глазами,— Знаешь... Я даже начинаю думать, что это не просто так.

-Ваганыч следил,кинула телефон в сумку,— ледяным голо-сом отвечаю я, чувствуя накатывающее раздражение. Почему я вообще должна что-то ей объяснять? Я ощерилась за-ранее, готовая дать отпор последующему допросу. Но Машку похоже мое объяснение полностью устроило. Она заулыбалась и потащила меня к выходу.

-Ну так что?— подруга всё не унималась.

Я тяжело вздохнула. Объективных причин отказывать у меня не было. И, возможно, на каждый отдельный случай придумать эту причину будет гораздо легче.

-Хорошо,— я слабо улыбаюсь, смотря на её озарившееся счастьем лицо.

-Ооо, Линка, спасибо-спасибо-спасибо!– Машка душит меня в своих объятиях.

-Ладно, ну всё, хватит!– я выкарабкиваюсь из кольца её рук и достаю телефон из сумки, чтобы написать Никите, что я освободилась.

-Так, ну сегодня я на своей. Придется так и возвращаться,– а Машка уже строит планы,-Завтра в универ не нужно. Мы с тобой же в спа собирались днём?

– Нет, в спа давай ты за мной заедешь,– тут же возражаю я.

Машка недовольно морщится, но цедит "ок".

– А вечером же завтра девичник у Котовой. Ой, класс!– Ракова даже в ладоши хлопает от предвкушения,-Вот нас Аверин и отвезёт. Заодно и в клуб с нами пойдёт, ну а что ему бедному на парковке торчать, правда?

И её глаза плотоядно сверкают.

-Ну Ира его на свой девичник не звала. И на то он и девичник, что там одни девочки,— осторожно возражаю я, на что Машка лишь отмахивается от меня с характерным звуком " пффф".

-А он не мальчик, он – водитель,— весело подмигивает мне Ракова и целует в щеку,— Ладно, Лин, до завтра. Мне еще во второй корпус забежать надо, там с документами что-то. Ой, чувствую, это будет лучший девичник в моей жизни. Офигеть!

Я не успеваю ничего добавить, как Машка уже исчезает из поля зрения. Телефон вибрирует, на дисплее высвечивается сообщение от Никиты, что он меня уже ждёт. И мне приходится заставлять себя не спешить на парковку. Благо, боль в правой ноге очень в этом помогает.

16. В первый раз

Стоит мне приблизиться к черной камри, как Никита выходит из машины и открывает мне дверь. На его губах играет ироничная улыбка, но взгляд всё такой же: тягучий и тёмный, заставляющий меня сладко поежиться. Невольно кажется, что нарушаю какие-то запреты, садясь к нему в машину. Это будоражит, и я всё меньше хочу сопротивляться. И думать тоже не хочу. Мне всего девятнадцать, и на меня так смотрит парень, от которого меня кидает в жар. Барьеры внутри словно разъедает кислотой.

-Командуй,- улыбается Аверин, поворачивая ключ зажигания.

-Домой. А потом я обещала Мишке сходить с ним в аквапарк. Отвезешь нас?- я закусываю губу, не зная, как предложить ему пойти с нами.

Аверин тут же обводит меня суровым взглядом.

-Лин, ты хромаешь,— с упреком произносит он,— Какой к чёрту аквапарк.

-Забодишься обо мне?— я начинаю улыбаться.

-Указываю на глупость,— ворчит в ответ Аверин.

-Зря. Я возьму с собой Гулю. Она за Мишей присмотрит там, где я не смогу.

-А за тобой кто присмотрит?— косится на меня Никита недовольно, вырывая с университетского двора.

-Ты,— выдыхаю хрипло после нескольких мгновений молчания. И чувствую, как меня тут же заливают удушливый жар. Щеки вспыхивают еще сильнее, когда Никита медленно поворачивается и удивленно смотрит на меня. А потом его губы расплзаются в самодовольной улыбке. Ник ничего не говорит, просто кивает и отворачивается. И я остаюсь наедине со своим смущением и запахом его парфюма, дразнящим ноздри. Так мы и доезжаем в полнейшей тишине, нарушае-

мой лишь модными мотивами, льющимися из приемника.

-Через сколько вас забирать?– припарковавшись, Ник поворачивается ко мне всем корпусом и кладет ладонь на спинку моего сидения. Черные глаза блуждают по моему лицу, останавливаются на губах.

-Через два часа,– глухо сиплю я, чувствуя, что он медленно, но неотвратимо наклоняется ко мне, и расстояние между нами сокращается. Электрические разряды рассыпаются мурашками по коже.

-Хорошо,– выдыхает Никита мне в губы, и поднимает взгляд, смотря в глаза.

Я сглатываю и замираю. Я должна отклониться. Или податься навстречу. Не знаю. Сделать что-то. Кажется, он ждёт, но я не могу. Тело сковывает оцепенением. Я даже моргнуть не в состоянии. Всего пару секунд мы так близко, а затем Ник резко отстраняется. Аверин выбирается из салона и через мгновение открывает мою пассажирскую дверь. Его горячая рука сжимает мои подрагивающие пальцы.

-Через два часа,— произносит он чуть хрипло, давая мне понять, что не одна я пребываю в смятении.

Я нахожусь в такой прострации, что даже не замечаю, как поднимаюсь по лестнице, что не так-то просто с моей ногой, как попадаю в свою комнату. Внутри всё бурлит, словно в груди варит волшебный котел. Я падаю на свою кровать, устремляя ошалелый взгляд в потолок. На губах расплзается блаженная улыбка, которую я не в силах сдержать. Боже, я кажется влюбляюсь. В первый раз.

17. Поездка

Ровно через два часа камри Никиты снова припарковывается у нас во дворе. Когда я выхожу из дома, ведя за собой трехлетнего брата, Аверин стоит поодаль у гаража, держа в руках детское кресло, и о чём-то весело болтает с отцом. Боже, и как я могла не замечать раньше их сходства. Ник ведь был почти точной копией Романа Константиновича: высокий, плечистый, черноволосый, с редким разрезом глаз, отчего казалось, что они оба постоянно чуть щурятся.

Наверно я просто до этого никогда по-настоящему не приглядывалась к людям, работающим на нашу семью. Все они были для меня обслуживающей серой массой. Я была вежлива, приветлива, но смотрела сквозь них, не воспринимая всерьез. Сейчас мне почему-то стало стыдно от этого. Покосилась на Гулю, держащую Мишку за другую руку. Ведь эта женщина фактически заменила брату маму, а что я о ней знаю? Что она любит, когда Миша доедает обед? Есть ли у нее своя семья, свои дети? Наверно. Просто они уже выросли. Сколько кстати ей? Надо будет попить с ней чай, спросить. Представляю на секунду, как вытягивается от удивления лицо Гули, когда я предлагаю ей поболтать, и невольно улыбаюсь.

– Привет,– Никита машет нам и отходит от отца, устанавливает детское кресло на заднее сидение.

-Привет,– улыбка так и не сходит с моего лица, только к Гуле она уже не имеет никакого отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.